

Ardabayev Saken

Путь Беса

18+

Ardabayev Saken

Путь Беса

<https://litres.ru/73835052>

SelfPub; 2026

Аннотация

После тяжёлого ранения герой проходит восстановление в тихом приморском городе. Рядом с ним постоянно находится Катя — заботливая и всё более близкая ему женщина, которая помогает ему вернуться к жизни: горячие источники, прогулки у моря, совместное время постепенно лечат не только тело, но и душу.

Ardabayev Saken

Путь Беса

Глава 1

Колёса стучали .Я лежал на верхней полке вагона купе и не мог прийти в себя . Во мне что то изменилось . Это чувство пришло как только я попал в войсковую часть Жизнь разделилась до и после . В меня словно вселился бес и он управлял мною. Но благодаря ему я выжил на этой войне , поэтому я смирился с чувством что я не один. Купе было наполнено запахами жареной курицы и варёных яиц. Мы сидели с Олегом, переглядываясь. В купе попали случайно не было мест в плацкартном вагоне, и добродушная проводница взяла нас до Казани в свой вагон. Двое суток ехали, доедая тушёнку. А вот ночью подсели двое семья, и купе изменилось, наполнилось гражданскими запахами. Позади армия. Позади война, Иннокентий Николаевич сказал мужчину, садясь .Меня зовут Саша, представилась его спутница. Мы тоже представились .Она была в голубых джинсах, обтягивающих её округлые формы. Белая футболка с нарисованным львом едва скрывала грудь. Мы с Олегом переглянулись, лёжа на верхних полках, и поздоровались хором, как учили в армии. Мальчики, пойдёмте кушать, а то мы всё не съедим, пропела она. А солдатам что просьба, что приказ всё к исполнению. Мы спрыгнули с полок и уселись за стол. Она

поставила нарезанный хлеб к аппетитно пахнущей курице. Мы снова переглянулись. Иннокентий оторвал себе грудинку и стал смачно есть. Мне нельзя жареного, произнёс он, жуя. Мы сглотнули слюну и взяли по кусочку хлеба. Видя наше замешательство, Саша отрезала нам по ножке и вручила каждому. Наши зубы впились в хрустящую корочку сочной курицы. Глаза закрылись от наслаждения. О боже, как вкусно вырвалось у меня. Спасибо, довольно сказала хозяйка. И правда вкусно, подхватил Олег. Сама она съела яйцо и пристально рассматривала жующих мужиков. Откуда вы, мальчишки? Спросила она разглядывая нас. С армии, ответили мы хором. Она звонко засмеялась. Мы смутились, но не перестали жевать. Потому что армия приучила: сначала есть, потом разговаривать. Оставив от ножек обглоданные косточки, мы сложили их в газету, которую Саша положила на край столика. Так откуда, мужчины в военной форме? снова спросила она. С Афганистана ответил я. Мы дружно облизнулись. Поняв намёк, она обратилась к мужу: Котик, нарежь мальчишкам курицы. Он поёрзал и, показав глазами на нож, сказал: Это же бойцы. Их в армии, наверное, научили обращаться с ножом. А нам что приказ, что просьба всё к исполнению. Я схватил нож и быстро превратил остатки курицы в аккуратные куски. Иннокентий хмыкнул и взял белое мясо грудинки. Остальное мы ритмично закинули в себя. Обтерев руки газетой, мы посмотрели на горку белоснежных яиц. Ешьте, ешьте, ласково сказала Саша. И как там в афгане про-

должила расспрос Саша. А мы переместили яйца себе в желудок. Иннокентий недовольно хмыкнул. Котик, у тебя подагра. Тебе нельзя жареное и яйца тоже нельзя ласково подавила его недовольство Саша. Он нахмурился: А зачем тогда ты их взяла? недовольно буркнул он Она звонко засмеялась, запрокидывая голову: Так мы же на поезде едем. А в поезд всегда берут яйца и жареную курицу. Вот, видишь, и наших защитников накормили. А то кто о них позаботится? Всё, дембеля теперь. Их кормить бесплатно не будут. Наступили суровые будни гражданки. Мы погрустнели, осознав, что действительно едем в реальный мир. Видя наши лица, она достала из сумки яблочный пирог и поставила на стол. Сейчас бы чаю, сказал Иннокентий. Слабенького, добавила Саша. Олег вскочил: Я сейчас! И метнулся к проводнице, с которой уже был в хороших отношениях. Вернулся с тремя стаканами крепкого чая и поставил их на стол под недовольный взгляд Иннокентия. Но тут же принёс стакан кипятка. Иннокентий снова хмыкнул, а Саша похвалила: Какой молодец, Олег. Олег перелил немного чая, подкрасив кипятком. Саша кивнула, регулируя концентрацию, и поднесла стакан мужу: Слабенький чай. Котик, тебе этого будет достаточно. Мы стали пить чай. Пирог был вкусным как и всё, что отличалось от армейской еды. Саша вопросительно посмотрела на меня. В ее изумрудных глазах вспыхнул огонек. Я посмотрел на Олега. Мы давали подписку о неразглашении и трудно было расчленить о чем можно говорить, а о чем

нужно молчать. Там война и пули свистят произнес я первое что пришло в голову. Инокентий снова нахмурился. И что прям таки свистят спросил он недоверчиво. Извините смутился я но мы дали подписку о неразглашении произнес я подавленным голосом. Пойду покурю, сказал Инокентий. Саша свернула газету с остатками еды: Котик, вынеси сразу мусор, а то запах будет. Инокентий недовольно посмотрел на нас. Олег тут же сгреб весь мусор в свои ладони и пошёл с ним в тамбур. Саша встала, выглянула в проём двери, и на мгновение передо мной оказался её силуэт с прекрасной попкой с лейблом тexas . Она прикрыла дверь и обернулась ко мне: Давай, солдатик быстрее и стала стягивать джинсы . О боже пере домной белоснежная большая задница. Эй солдатик не зевай выдернула она меня из оцепенения призывно виляя красивой попкой. Я быстро пристроился к ней приспустив штаны . Дверь была не полностью закрыта . Белая попка , тонкая талия а, запах вагины такой сладкий . Три качка и я кончил прямо в нее. Бля подумал я что делать теперь. Но она обернувшись одарила меня ласковой улыбкой . Брюки не запачкай произнесла она ласково и подала мне полотенце. Обтерпевшись я упал на сиденье вагона. Она посмотрела на еще пульсирующий мой орган и склонившись взяла его в рот. Облизав его она натянула штанишки и посмотрела в зеркало . Найдя себя в зеркале благопристойной она произнесла . Ты тоже сходи в тамбур. Я натянув штаны метнулся в противоположный туалет. Слыша ее звонкий смех у себя

за спиной.

Глава 2

Когда я вернулся в купе, стол уже был чист до такой степени, будто на нём никогда и не стояла курица. Ни крошки, ни намёка на вчерашнее пиршество. Только аккуратно разложенная колода карт, как приглашение к новой битве. Меня ждали. Иннокентий сидел, потирая ладони, словно собирался не в карты играть, а как минимум подписывать капитуляцию противника. Два на два, предложил он с таким видом, будто это его коронная игра. Да запросто, ответил я, всё ещё находясь в том тёплом, ленивом состоянии, когда жизнь кажется вполне сносной: поел, напился чаю, даже выспался немного почти курорт. Мы сели. Олег тут же принял вид серьёзного стратега сдвинул брови, поджал губы, будто за плечами не два года срочки, а как минимум чемпионат мира по преферансу. Первая партия закончилась быстро. Они проиграли. Иннокентий хмыкнул так, будто это не поражение, а досадное недоразумение природы. Саша засмеялась легко, звонко, как будто ей вообще было всё равно, кто выигрывает, лишь бы процесс шёл. Вторая партия та же история. Сейчас ещё шохи повышаем на погоны! воодушевился Олег, уже явно забыв, что мы вроде как в гостях. Саша слегка погрустнела. Едва заметно, но я уловил. Иннокентий же начал перемешивать карты с таким усердием, будто пытался стереть с них память о проигрыше. Я попробовал остановить Олега взглядом. Потом пнул его под столом. Потом просто уставился на

него, как на человека, который сейчас совершает стратегическую ошибку. Не помогло. Пришлось «ошибаться» самому. Ты что делаешь?! зашипел Олег, когда я в третий раз подряд «случайно» скинул не ту карту. Как ты играешь? Да что с тобой вообще?! Нервы, буркнул я. В итоге они отыгрались. Иннокентий просиял так, будто вернул себе утраченную честь фамилии. Даже плечи расправил. Саша посмотрела на меня мягко, благодарно, почти заговорщицки. Я сделал вид, что ничего не понимаю, но внутри стало почему-то теплее. Олег ещё пару минут ворчал, но быстро остыл. Несмотря на разницу в росте, он всё-таки знал, когда лучше не перегибать. Пойду за чаем, буркнул он и исчез в коридоре. Вернулся он уже бодрым с подстаканниками, чай плескался, как будто его наливали на ходу. А к чаю были баранки. И сметана. Я сначала не понял комбинации. Потом попробовал. И понял всё. Это незаконно вкусно, пробормотал я с набитым ртом. Олег молча кивнул, не в силах говорить он был занят стратегически важной операцией по уничтожению баранок. Саша смеялась, глядя на нас, как на двух щенков, впервые увидевших миску с едой. Когда мы в очередной раз насытились и уже просто сидели, откинувшись, как люди, пережившие хороший праздник, она вдруг спросила: Ну как там, на войне? Вопрос прозвучал тихо. Без нажима. Но в купе сразу стало как-то теснее. Я посмотрел в ее изумрудные глаза и понял что уже не могу молчать перед этой женщиной после того что у нас было. Там стреляют, ответил я. И мно-

го? осторожно уточнил Иннокентий. Я посмотрел на Сашу. В её глазах не было любопытства только попытка понять. Два рожка сказал я. И только одиночными. Потом за каждый патрон отчёт. А сколько в рожке? спросила она, чуть придвинувшись. Тридцать коротко ответил я. Иннокентий нахмурился: И что, вы просто так тратите их? Спросил он недоумевая. Я бросил взгляд на Олега. Он едва заметно покачал головой: «Не надо». Но я уже сказал: Один рожок один результат. Повисла пауза. Какой результат выдавил из себя Иннокентий. Только труп ответил я 200 . трехсотые в зачет не идут. Саша прикрыла рот ладонью. Иннокентий резко встал и прикрыл дверь, хотя до этого она и так была почти закрыта. Они обменялись взглядами. И сколько таких? спросил он шёпотом. Это военная тайна, ответил я, откидываясь к стенке. Иннокентий вытер мокрый лоб: Это надо перекурить надо произнес он находясь в потрясении от услышанного. Олег автоматически поднялся и пошёл за ним привычка сильнее мыслей. Дверь закрылась. В купе стало тихо. Только колёса стучали ровно, спокойно, будто ничего в мире не происходит. Страшно было? тихо спросила Саша и положила ладонь мне на колено. Я посмотрел сначала на её руку, потом на неё. Тогда нет, сказал я. Там как-то не до страха. А сейчас? чуть улыбнулась она. Я хмыкнул: Сейчас страшнее. Тут думать можно. Она тихо засмеялась. Не громко, а как-то ближе, почти вполголоса. Поезд качнуло. За окном мелькнула станция пустая, освещённая жёлтым светом, и тут же исчезла. Жизнь,

как и поезд, шла дальше. Только мы пока не совсем понимали куда. От прикосновения ее ладони у меня встал . Заметив это Саша встала и снова приспустила штанишки . Давай не зевай солдатик прошептала она виляя голой попкой. Я тут же подошел к ней с приспущенными штанами и вогнал в нее свое тело. Первоначальный сперматоксикоз был снят поэтому я не спешил и получал наслаждение . Она тоже напряглась.. Подожди остановила она меня и сев на полку стянула джинсы и быстро накинула халат. Прислонившись в двери она распахнула халат приглашая меня к пиршеству. Я приник к ее телу . Она ловко подмахивала мне бедрами и ее стон утонул в моих плечах . Кончив она резко оттолкнула меня . потом кончишь произнесла она с жаром откидывая упрямую прядь волос. . Я быстро натянул штаны и метнулся в другой тамбур.

Глава 3

Когда я вернулся в купе, стол уже был идеально чист. Настолько, будто на нём не было ни баранок ни вчерашнего голода. Только карты аккуратно разложенные, как приглашение к следующей игре, где ставки почему-то всегда больше, чем просто победа. Меня ждали. Иннокентий сидел прямо, ладони потирал так, будто собирался не играть, а решать судьбу вагона. Два на два, сказал он спокойно, но с внутренней уверенностью человека, который уже мысленно выиграл. Давай, ответил я. Саша сидела чуть в стороне. Не вмешивалась. Но и не отстранялась. Она просто смотрела не на кар-

ты, а на нас. Иногда на Олега, иногда на меня. Так, будто изучала не игру, а людей. Первая партия закончилась быстро. Они проиграли. Иннокентий только хмыкнул. Без злости, но с принципом. Саша тихо улыбнулась не нам, а как будто самой ситуации. Вторая партия. Снова их поражение. Олег уже вошёл в азарт: Сейчас мы их начал он, но осёкся, поймав мой взгляд. Я успел его остановить нормально только слегка качнул головой. Но Олег был понятливым. Сейчас ещё шохы повесим на погоны! Произнес он подмигивая мне Саша на это почти незаметно изменилась. Улыбка исчезла не полностью она просто стала тише. Как свет, который убрали под абажур. Иннокентий начал слишком внимательно тасовать карты. Давай без цирка, пробормотал он. Я специально «поплыл» в игре. Несколько ходов подряд делал не то, что надо. Олег то же подыгрывал мне Ты чего творишь? Ты специально?! Выкрикивал он накаляя обстановку. Устал, ответил я. Устал он буркнул Олег деланно обижаясь. И мы проиграли. Иннокентий впервые по-настоящему улыбнулся. Не сдержанно, а по-человечески. Саша посмотрела на меня чуть дольше, чем нужно. Не радостно благодарно. И в этом взгляде было что-то странное: как будто она поняла, что я проиграл не из-за карт. Я отвёл глаза первым. Олег ушёл за чаем, громко, с демонстрацией обиды на весь вагон. Мы остались втроём. И вот тогда купе стало другим. Не пустым наоборот, слишком заполненным. Воздух как будто стал ближе. Саша слегка наклонилась вперёд, поправляя складку на

скатерти, хотя там нечего было поправлять. Потом медленно посмотрела на меня. Ты всегда такой? спросила она. Какой? я сделал вид, что не понял. Спокойный, когда другие шумят. Я усмехнулся: В армии это не спокойствие. Это экономия сил. Она кивнула, как будто приняла это объяснение, но не до конца поверила. В этот момент её колено случайно коснулось моего. Или не случайно расстояние в купе было слишком тесным, чтобы такие вещи происходили «случайно». Она не отдёрнула ногу. Я тоже не сдвинулся. А там она чуть понизила голос, там вообще бывает тихо? Я хотел ответить сразу. Но не получилось. Потому что в этот момент она чуть наклонилась ближе не явно, не демонстративно, просто так, как люди наклоняются, когда им действительно важно услышать ответ. И я вдруг понял, что её вопрос не про войну. Бывает, сказал я наконец. Но это не та тишина, к которой привыкаешь. Она кивнула. И снова посмотрела уже не как на «солдата», а как на человека, которого можно рассматривать дольше обычного. Дверь купе чуть дрогнула Олег где-то в коридоре громко спорил с проводницей. Но здесь это было как за стеклом. Саша слегка улыбнулась: А ты всегда такой серьёзный? Я? я хмыкнул. Это я ещё отдыхаю. Она тихо засмеялась. И в этот момент её рука почти случайно легла рядом с моей на столе. Не касаясь полностью. Но настолько близко, что разницы уже почти не было. Странные вы, сказала она. Кто? спросил я не понимая Вы с Олегом. Ответила она Почему? Удивился я. Она чуть наклонила голову: Пото-

му что вы ведёте себя так, будто всё уже позади но при этом постоянно смотрите так, будто ждёте, что что-то начнётся. Я не ответил сразу. Потому что в этом она попала точнее, чем хотелось бы. Колёса стучали ровно. Поезд шёл вперёд. А в купе между нами оставалось ощущение, что разговоры это только поверхность. Всё главное происходило в паузах. Она чуть улыбнулась и мягко сказала, глядя на меня: Выйди, пожалуйста мы переоденемся. Её взгляд был спокойный, почти ласковый без нажима, но так, что спорить не хотелось. Я вышел. Иннокентий остался в купе и проводил меня взглядом. Потом посмотрел на её халат, потом на своё трико, будто пытаясь понять, в какой момент жизнь свернула не туда и почему вообще нужно переодеваться в поезде. Дверь закрылась. Саша наклонилась ближе к нему и тихо сказала: Этих ребят надо брать к себе. Иннокентий нахмурился: В каком смысле? В прямом, так же спокойно ответила она. Они с войны. Они убивали. Она сказала это не громко, без пафоса почти буднично. От этого звучало ещё сильнее. Пока в них есть этот запал, надо брать. Таких не найдёшь в Москве. Там одни слюнтяи перекачанные. Иннокентий задумчиво сделал «брови домиком». Да пожалуй, ты права, медленно произнёс он. Нам такие нужны. Дверь резко открылась. Стучаться не учили? раздражённо бросил Иннокентий, явно недовольный тем, что его мысль оборвали на самом интересном месте. Заходи, Олежик, заходи, тут же пропела Саша, мгновенно смягчая атмосферу. Прошу прощения, сказал Олег, за-

виснув в проходе, как человек, который понял, что вошёл не вовремя, но уже поздно отступать. Проходи, пожалуйста, добавила она. Он осторожно сел. Я вошёл следом. Но часть разговора уже упустил. Только по лицу Олега понял что-то обсуждали серьёзное. Он был настороженный, чуть собранный, как после команды «внимание». Саша же выглядела спокойно, почти по-домашнему. Олег подмигнул мне и прошептал там в тамбуре зачетные девченки пойдем пообщаемся. А вы куда едете? перебила она деловито, будто продолжая обычный разговор, а не что-то важное до этого. Я в Солнцево, ответил я. Я дальше, в Кунцево, добавил Олег. Саша кивнула, будто складывала это в голове. А мы живём в Доме авиаторов, квартира шестьдесят шесть. Легко запомнить. Она сказала это с такой уверенностью, будто заранее предполагала, что мы можем потеряться в этом мире. Так что если будет трудно на гражданке приезжайте. Будем рады помочь. На секунду в купе стало тихо. Даже поезд как будто сбавил шум. И почему-то её слова прозвучали не как вежливость. А как адрес, который тебе зачем-то хотят, чтобы ты запомнил. Пауза. И уже мягче: На гражданке бывает не очень понятно, куда себя деть. Она посмотрела на нас по очереди не как на случайных попутчиков, а как на людей, чьи траектории она уже мысленно прикидывает. Если что приезжайте. Серьёзно. И улыбнулась. Но это была не просто улыбка. Скорее аккуратное закрытие сделки, которая ещё даже не названа сделкой.

Глава 4

Олега явно терзало присутствие девушек ещё в купе. Он сидел так, будто лавка под ним была не сиденьем, а стартовой площадкой: то подтягивался, то расправлялся, то снова «случайно» занимал больше пространства, чем физически позволял вагон. Он непрерывно стрелял в меня глазами, как рацией: *пошли уже, пошли, там жизнь происходит*. Я кивнул. Ладно согласился я неопределенно И мы вышли в тамбур. В тамбуре было шумнее и легче. Две девушки стояли у окна, смеясь над чем-то своим тем особым лёгким смехом, который в поездах всегда звучит громче обычного. Одна держала сумку на плече, вторая поправляла волосы, глядя в стекло так, будто за окном был не пейзаж, а продолжение разговора. Олег мгновенно включился. Он выпрямился, будто его кто-то невидимый поставил по уставу, и с той самой уверенной полуулыбкой, которую обычно показывают только людям, не сомневающимся ни в чём, произнёс: Откуда такие красивые и без охраны? Девушки переглянулись. И рассмеялись. А вы на что? ответила одна. Нас армия защитит. Вторая тут же добавила: Или уже не армия? Олег даже не смутился. Наоборот будто это был не подкол, а аплодисменты. Он чуть наклонил голову: Армия теперь универсальная услуга. Они представились: Аня. Люда. Москва. И дальше разговор пошёл сам легко, без усилия, как будто тамбур был отдельным миром, где люди знакомятся быстрее, чем успевают понять, как их зовут. Олег работал уверенно. Шутки, короткие истории, жесты, полу наклонны всё у него было в

движении, как будто он боялся остановиться и выпасть из внимания. Он смеялся чуть громче, чем нужно, и это почему-то работало. Я стоял рядом, но как будто не совсем там. Потому что часть меня осталась в купе. Саша. Её голос, когда она сказала «кончишь потом». Её взгляд внимательный, спокойный, чуть дольше обычного. И то, как она потом смотрела на меня, будто уже знает чуть больше, чем говорит. Это не было флиртом в привычном смысле. Это было как оценка. Не грубая, не холодная скорее точная. Как будто тебя не просто видят, а аккуратно измеряют. Она была не легкомысленной женщиной а дамой которая все контролирует. А ты чего молчишь? окликнул Олег, не оборачиваясь. Я усмехнулся: Слушаю. Он тут же вернулся в разговор с Аней и Людой, будто переключился с режима «друг» на режим «жизнь». И снова смех, фразы, лёгкость. А у меня внутри всё было иначе. Там, где у Олега был азарт, у меня была тишина. И эта тишина почему-то всё время возвращалась к одному и тому же к купе, к столу, к её руке рядом с моей, к паузам между словами. К тому, как она не задавала вопросы прямо, а как будто собирала ответы сама. В какой-то момент я поймал себя на странном ощущении: там, в тамбуре, Олег «играл жизнь». А я всё ещё пытался понять, где кончилась одна и началась другая. Олег тем временем уже уверенно шёл по рельсам своего обаяния: В Москве, значит? Ну всё, значит будем пересекаться. Это угроза или обещание? засмеялась Аня. Это логистика, серьёзно ответил он. И они снова засме-

ялись. Я повернул голову в сторону купе. Дверь была закрыта. Но почему-то казалось, что там сейчас происходит разговор важнее любого тамбура. И что Саша даже не участвуя в нём всё равно в нём главный собеседник. Мы вернулись в купе чуть позже. Там всё выглядело так, будто время не двигалось без нас. Стол был чист, вещи аккуратно разложены, воздух тёплый, чуть сладковатый от чая и чего-то домашнего. Поезд всё так же стучал колёсами, но внутри было тише, чем в коридоре. Саша сидела у окна. Когда мы вошли, она подняла глаза. И в этот момент что-то изменилось. Не резко без жеста, без слов. Просто её лицо стало чуть собраннее, взгляд внимательнее. Как будто она не просто увидела нас, а «переключилась» на нас. Олег этого почти не заметил. Он всё ещё жил тамбуром: Эх такие девчонки, вообще начал он, заходя внутрь и не договаривая. Угу, кивнул я, садясь. Саша чуть улыбнулась краем губ: Познакомились? Олег оживился: Аня и Люда. В Москву едут. Понятно, спокойно сказала она. И вот здесь произошло главное. Она закрыла книгу или просто перестала делать вид, что занята чем-то ещё. Повернулась чуть корпусом к нам. Не полностью ровно настолько, чтобы разговор стал не случайным, а собранным. И как там? спросила она. Где? не понял Олег. В тамбуре, уточнила она. Пауза. Олег засмеялся: Нормально. Живой мир. Он сказал это легко, даже гордо. Но Саша не улыбнулась в ответ сразу. Она посмотрела на него секунду дольше, чем нужно для простого вопроса. Потом перевела взгляд на меня.

И вот тут ощущение снова изменилось. Как будто разговор перестал быть про тамбур. А ты? спросила она меня. Я пожал плечами: Шумно. Шумно это хорошо или плохо? уточнила она спокойно. Я усмехнулся: Зависит от того, где ты сейчас. Она кивнула. И снова этот взгляд не тёплый и не холодный. Скорее точный. Как будто она не слушает ответы, а проверяет, совпадают ли они с чем-то уже известным ей заранее. Олег тем временем расслабился, откинулся на спинку: Да нормально всё, обычные девчонки. Поговорили, посмеялись. Саша слегка наклонила голову: Обычные? Ну да, уверенно кивнул он. Она ничего не ответила сразу. Только чуть поправила волосы медленно, спокойно. И в этой паузе вдруг стало заметно: в купе снова стало тише, чем должно быть. Странно, наконец сказала она. Что? спросил Олег. Ты всегда так быстро людей определяешь. Он усмехнулся: А зачем усложнять? Саша посмотрела на него внимательно, потом на меня. И на долю секунды мне показалось, что она сравнивает не слова, а реакции. Иногда это полезно, сказала она мягко. Но не всегда точно. Пауза. Поезд качнуло. Чай в стакане едва заметно дрогнул. И в этот момент я понял: она не просто слушает нас. Она нас возвращает. Из тамбура обратно сюда. И делает это так, будто тамбур был просто проверкой. Олег этого пока не чувствовал. Он ещё жил смехом, голосами, быстрыми знакомствами. А Саша уже снова была здесь. Спокойная. Собранная. И почему-то чуть дальше, чем раньше хотя сидела ровно напротив. Поезд начал за-

медляться. Сначала это было почти незаметно просто ритм колёс стал мягче, тяжелее. Потом вагоны начали чуть покачиваться, и за окном поплыли редкие огни полустанка. Олег вдруг резко оживился. Он заметил знакомую фигуру в коридоре и в следующую секунду уже рванулся в проход, исчезнув за дверью купе. Саша чуть приподняла взгляд. Импульсивный у тебя друг, спокойно заметила она. Есть такое, ответил я. Поезд остановился внезапно. Дверь резко дёрнулась и в проёме снова появился Олег. Он выглядел взволнованным, почти сбитым с дыхания. Они выходят прошептал он мне. Я пойду за ними. Постой, резко остановил я его. Он на секунду застыл в проёме, как будто боролся сам с собой. Потом резко мотнул головой и выскочил наружу. Я выругался и бросился за ним. В коридоре уже шумел перрон полустанка. Двери открыты, воздух ударил холодом и запахом платформы. Люди выходили, сумки, голоса, движение. Олег уже был на перроне. Я увидел, как он почти бегом пробивается сквозь людей за двумя женскими фигурами. Олег! крикнул я, но он не обернулся. Я развернулся к проводнице: Сколько стоим? Три минуты, спокойно ответила она. Три минуты. Этого хватило ровно на то, чтобы поезд снова начал жить своей жизнью. Я метнулся обратно в купе, схватил китель звеня орденами и медалями, поймал восторженный взгляд Саши и как будто оправдываясь произнес я не могу бросить друга и выскочил уже с движущегося вагона. Перрон быстро закончился. Я бежал по щебню, перескакивая через неровности, пока

не увидел его. Олег сидел у столба на краю небольшой станции. Сгорбленный. Тихий. Слишком не похожий на того, кто пять минут назад «расправлял хвост» в тамбуре. Что с тобой? спросил я, подойдя ближе и глядя в сторону уходящего поезда. Он не сразу ответил. Потом резко бросил в землю сорванную ветку: Обидел я её произнес он подавленно. Кого? Спросил я раздраженно. Её! почти выкрикнул он. Я думал, шутка нормально зайдёт, а она посмотрела так. Он замолчал, сжал челюсть. Потом резко вскочил: Пойду попрошу прощения крикнул он словно ища во мне поддержку. И снова сорвался с места туда, где уже никого не было видно. Только пустая платформа, редкий свет фонаря и шум уходящего поезда, который уже не ждал никого.

Глава 5

Я побежал за Олегом. Он метался по улицам небольшого полустанка, как человек, который потерял не людей, а смысл момента. Потом вдруг резко остановился. Цель исчезла. Ночь подступала быстро. Станция погружалась в темноту, и только редкие фонари отбрасывали жёлтые пятна на мокрый асфальт. Прохладный воздух тянул запахом леса и дымом проходящего где-то поезда. Мы стояли молча. Олег тяжело дышал. Ну что, солдатики, заблудились? раздался голос из переулка. Из темноты вышли трое парней. Расхлябанные, уверенные, с той уличной наглостью, которая держится до первого удара. Откуда такие военные и здоровенные? усмехнулся один. Олег был без кителя, в одной рубашке, без

галстука весь его «армейский вид» остался где-то в поезде. Я сделал шаг вперёд. Медали и ордена на груди коротко блеснули в свете фонаря. О, протянул один из них. А вот и герой появился. Я понял: разговор не случайный. Медленно вытащил из кармана кожаные перчатки. Парни напряглись. Они ожидали пьяного конфликта, а увидели двух молчаливых бойцов, у которых реакция уже была быстрее слов. Эй! крикнул один назад. Мих, иди сюда! Из темноты вышел ещё один. Двухметровый. Шёл медленно, уверенно, с ухмылкой на губах. И кто это у нас тут такой здоровенный? спросил он, останавливаясь напротив и обдав нас перегаром. Олег инстинктивно встал рядом за мной. Мы спина к спине. Но этот здоровяк выбрал взглядом меня. А это что за хлыщ за карлика прячется? усмехнулся кто-то из толпы. Я не ответил. Просто размял кисти. Удар был один. Короткий, точный. Здоровяк осел на землю так, будто из него резко выключили всё лишнее. Наступила тишина. Полная. Даже фонари будто перестали гудеть. Парни замерли, моргая, не до конца понимая, что только что произошло. Вы откуда, пацаны? осторожно спросил один. Я выдохнул: С Афгана. Пауза. Слово повисло в воздухе тяжелее, чем сам удар. Ого сразу сбавил тон тот же парень. Сорян, пацаны, без обид мы не знали. Он первым протянул руку. Я пожал. Ладонь у него была тёплая, нервная. У тебя рука тяжёлая, солдат, сказал он уже без бравады. Потом взглянул на погоны. Старший сержант давай знакомиться нормально. Без обид. Остальные то-

же подошли, уже без агрессии быстро, суетливо, как люди, которые только что поняли, что вечер мог пойти совсем иначе. Мы обменялись короткими рукопожатиями. Потом кто-то неловко улыбнулся. И только тот самый здоровяк, который сидел на земле, медленно приходил в себя, моргая так, будто мир слегка сместился. Они подняли своего парня, и мы пошли с ними. Вели недалеко через пустые дворы, мимо тёмных окон и покосившихся заборов, пока не вывели к заброшенному дому. Окна заколочены, дверь скрипит, но внутри горит слабый свет. Проходите, служивые, сказал один из них. Будьте как дома. Добро пожаловать на гражданку. Внутри пахло сыростью, деревом и чем-то старым, забытым. Нас усадили на пустые металлические ящики. Вместо стола широкая доска, положенная на кирпичи. Кто-то достал большой тесак и прямо на этой доске нарезал хлеб и сало. Появилась бутылка мутного самогона. У бати спер, с гордостью сказал один из парней. Мы переглянулись. Потом выпили. Сначала за знакомство. Потом за понимание. Самогон обжёг горло, но внутри стало как-то проще, теплее, по-своему честнее. Ленчик, сгоняй за девчонками! крикнул кто-то в сторону двери. И тут же всё немного ожило. Кто-то засмеялся, кто-то откинулся на ящик, разговор начал расползаться по комнате, как дым. Мы говорили об армии. О том, как там всё просто и сложно одновременно. О приказах, которые не обсуждают. О гражданке, которая вроде свободная, но почему-то тяжелее, чем казарма. Олег сначала молчал, потом

включился уже спокойнее, без прежней суеты. Он слушал, кивал, иногда вставлял короткие фразы. Я больше смотрел. На лица. На то, как быстро стирается граница между «мы» и «они», если просто сесть за один стол и разделить хлеб. Где-то за стеной зашуршали шаги. И разговоры на секунду стали тише. За стеной зашуршали шаги. Потом послышался смех лёгкий, женский, совсем не подходящий к сырому, заброшенному дому. Дверь скрипнула. И в комнату вошли девушки. Их было две. Одна в лёгкой куртке, другая в свитере, наспех накинутом поверх платья. Они осмотрелись быстро, без страха скорее с любопытством, как будто уже знали, куда идут, и просто проверяли, не изменилось ли что по дороге. Ну вы даёте, сказала одна, усмехнувшись. Опять тут «мужской клуб» устроили? Парни оживились мгновенно. Кто-то подвинулся, кто-то выпрямился, кто-то сделал вид, что он тут вообще случайно. Олег тоже поднял взгляд. Слишком быстро. Слишком привычно для него реагировать на женское присутствие как на сигнал к действию. Но я заметил другое. Как один из парней, тот самый, что нас привёл, коротко переглянулся с девушками. Без слов. Почти незаметно. Не как с гостями. Как с продолжением вечера. Садитесь, сказал кто-то. Девушки прошли внутрь, аккуратно обходя ящики, доску-стол и разбросанные бутылки. Свет от лампы падал неровно, и в этом свете всё выглядело чуть иначе, чем должно было: лица резче, тени глубже, улыбки чуть медленнее. Олег сразу оживился. Ну вот, тихо сказал он мне, на-

клоняясь. Жизнь пошла. Я не ответил. Потому что почувствовал: «жизнь» здесь не совсем то слово. Вы откуда такие? спросил один из парней, уже явно играя роль хозяина вечера. С города, ответила одна из девушек, садясь на край ящика. А вы тут что, военные собрались? Кто-то засмеялся. Почти. Слово повисло. И на секунду стало заметно, что в комнате есть два слоя: то, что говорят, и то, что понимают без слов. Девушки быстро встроились в разговор. Смех стал громче. Бутылка снова пошла по кругу. Водки мало предупредили парни девушек. Нас этим не напугаешь произнесли они хором. И натолкали в рюмки с самогоном мякиш хлеба следя за нашей реакцией. Но напряжение не исчезло просто сменило форму. Олег говорил уже с одной из них, чуть наклонившись вперёд, слишком уверенно, слишком привычно. Она улыбалась ему, но не полностью как будто держала дистанцию, которую он пока не замечал. Я же больше следил не за ним. А девушки доставали из рюмок мякиш хлеба пропитанный самогоном и мерно жевали. Меня аж передёрнуло от этого. Самогон и так противный, а они жуют его. А за теми паузами, которые появлялись между фразами. И за тем, как один из парней всё чаще смотрел на дверь. А вы что такие серьёзные? вдруг спросила одна из девушек, повернувшись ко мне. Я пожал плечами: Привычка ответил я. Плохая? уточнила она. Я посмотрел на неё. Долгая прошептал я. Она улыбнулась, но не отступила взглядом сразу. И в этом было что-то другое. Не флирт. Скорее проверка. Олег тем

временем уже смеялся. Слишком легко. Слишком громко. Так, как смеются люди, которые хотят убедить самих себя, что всё под контролем. Верка не видишь парни с войны иди дай ему хорошенько обратился к девушке один из парней. Девушка встала и не выпуская стакан с мякишем хлеба взяла Олега за руку и повела в другую комнату. Извини брателло обратился ко мне пацан но апартаменты у нас только одни. Да ни чо я подожду ответил я чувствуя как хмель накрывает меня. Парни забили косяк и пустили по кругу . Я затаился и задержал дыхание . девушка подошла ко мне и подставив губки втянула густой и пьянящий дым из моих губ. Анашу мы часто курили в армии . там без этого ни как . Но если остальных он цеплял на ха -ха . То меня забивал в темный угол из которого я смотрел на мир как затравленный зверь Ночь постепенно превращался в что-то, где все уже ни проверяют , просто делают то, что делают всегда. Сквозь шум разговора я слышал мерное поскрипывание пружин матраса. Это Олег получал первые бонусы гражданской жизни . На ум пришла сразу . Саша с ее круглой попкой.

Глава 6

А Олег наслаждался. И я слушал скрип создаваемый им и думал: пусть насытится. Он намаялся на войне. Пусть теперь хоть немного выдохнет. Мы с ним вместе призвались. Попали в одну часть. Только я там долго не задержался. На второй день драка. Потому что во мне проснулся бес. И если бы я был я то стерпел бы нападки борзых парней . Да у

меня за плечами годы тренировок и я кмс по боксу . Но меня учили быть сдержанным . А тут от обычного слова да ты москвичь меня что то толкнуло внутри и я уже не управлял собой .И вместо строевой - школа сержантов. Он остался. А потом нас снова свела судьба уже за границей. Я увидел его и сразу узнал. Он стоял тогда как затравленный зверёк: разбитые губы, бланш под глазом, взгляд настороженный, как у человека, который уже привык ждать удара. Я запомнил его фамилию ещё на призывном пункте. И сказал тогда прапорщику: Этого парня ко мне в отделение. Я просто сказал но этого хватило потому что за моими словами стоял жестокий убийца . Это чувствовали все с одного взгляда . И меня терпели потому что на войне нужны были такие . Те кто не боится смерти . Те кто несет в себе смерть. Тот коротко кивнул: Принято. И рявкнул: Рядовой Стрелец, из строя выйти! Мы встретились глазами. Он меня узнал. Когда роту привели в казарму и распустили, мы просто подошли друг к другу и обнялись. Как дела, земля? спросил я, хлопнув его по плечу. Нормально, ответил он. Я показал ему койку. Он сел. На кровати не сидеть, коротко сказал я. Он тут же вскочил и пересел на табурет, аккуратно разглаживая кромку одеяла. Даже тебе нельзя? тихо спросил он. Я тогда впервые задумался. Он уже слышал обо мне. Потому что про меня уже знал весь округ. Говорили разное. Слишком разное для одного человека. Потому что в первую же ночь в сержантской школе я умудрился забить троих «гостей» до смерти , кото-

рые пробрались на территорию учебки. Голыми руками. Как это я сделал я и сам не знал . Просто проснулся с чувством что рядом чужие. Одевшись я молча вышел . Почувствовал их с далека . Обошел с тыла и убил. Убил не морщась и не чувствуя угрызания совести или страха за содеянное. Потому что во мне проснулся бес. С тех пор слухи пошли быстрее, чем официальные приказы. И теперь, глядя на Олега здесь, в этом заброшенном доме, я понимал: он наконец-то выдыхает. Смеётся, говорит, увлекается. Живёт тем, что ему не пришлось проживать тогда. А я просто рядом. Смотрю. И помню всё, что он сейчас забывает. Олег вышел из темной комнаты застегивая на ходу ширинку и бравадой размахивая руками. Вид у него был как у кота объевшегося сметаны. Другая девушка встала и протянула мне руку приглашая порезвиться . Мы прошли в темную комнату . Раздеваясь и наощупь ложась на мокрый от пота матрас. . Подомной мягкое девичье тело . Матрас издает мерзкий запах и по ноге поползло какое то насекомое . Но я еще военный поэтому ешь пока дают и суй пока молчат . Сделав свое дело мы вошли в комнату наполненную смехом от обкуренных ребят . Девушка чуть задержала меня в проходе . Вы же в Москву едете спросила она и увидев в моих глазах ответ произнесла через час поезд , а следующий только вечером. Спасибо сказал я ей и потащил Олега на полустанок. Поезд медленно полз по рельсам разрезая густой туман. Я пнул Олега чтоб тот держался ровнее и обратился к проводнице . Тетенька мы отстали от поезда

нам до Москвы хоть стоя. Она одарила меня улыбкой и посмотрев на мою грудь увешанную медалями произнесла Как же стоя . да таких героев лежа повезу и расхохоталась . Я уложил друга на вторую полку . Он еще порывался куда то идти но я шлепнул его по голове и он успокоился. Москва встретила нас запахом духов и перрона. Мы вышли из вокзала, но как бы ни старались, нас заметил патруль и остановил. Что за вид? обратились они к нам, указывая на Олега, одетого не по форме. Я вышел вперёд и доложил чётко, как положено: Такие-то, такие-то. Честно отдавшие интернациональный долг Родине. Во время следования домой спасли девушку, из-за чего отстали от поезда. Вещи уехали, поэтому находимся в таком виде. Капитан из патруля посмотрел на мой орден Красной Звезды, помялся, оглянулся и, уже по-отечески, произнёс: Хорошо, бойцы. Следуйте к месту. И чтоб по городу не шарахались в таком виде. Так точно! отпра- портовал я. Мы быстро поймали такси и поехали. Квартира 66 встретила нас бронзовой вывеской: «Композитор Свиристовский И. Н.». Нажав кнопку звонка, я услышал цокот каблуков. Дверь открыла Саша. Широко улыбаясь, она втащила нас в квартиру: Здравствуйте, мальчики! Как же я рада вас видеть! Олег взял свои вещи и сразу надел китель, словно боялся снова его потерять. Проходите, будем пить чай, настаивала хозяйка и потащила нас на кухню. Миша помог мне произнесла Саша и скрылась в коридоре . Я прошел за ней . Она втащила меня в ванну и закрыла дверь . Распах-

нув халат она показала мне шикарные груди третьего размера с розовыми сосками и плоский живот с четким ромбиком темных волос внизу. Наши губы слились в поцелуе. Расстегнув мне брюки она впустила меня в себя. Вот и пришло время отсроченного обещания подумал я. Она глушила стон в моих плечах и судорожно дергала бедрами я тоже кончил. Присев она слизала с моего конца остатки нашей близости и помогла мне застегнуть ширинку. Какой ты молодец похвалила она меня. Это ты очаровашка похвалил я ее в ответ получив обольстительную улыбку. Мы сели за стол. Попили чаю с колбасой и сметаной. Когда приедете? ненавязчиво спросила она, подкладывая нам конфеты. Мы смели со стола всё. Вот съездим домой и сразу пообещал я, уже окончательно увязший в её чарах. Олег неуверенно промычал что-то в ответ. Попрощавшись, мы разъехались по домам, с чемоданами в руках.

Глава 7

И вот он родной дом, который я не видел два года. Мама выбежала навстречу, расплакалась, повиснув у меня на шее: Вернулся живой сыночек, как я рада... Вышел отец, крепко обнял: Здравствуй, сын, произнёс он, горячо прижимая меня к себе. Мы сели на кухне. Они расспрашивали меня, а я отвечал невпопад слова будто сами вылетали, пустые, ненужные. Я смотрел на мамины руки, на отца, на знакомые стены и должен был чувствовать только радость. Я ждал этого дня там, далеко, среди пыли и выстрелов. Ждал, как спасения.

Но внутри было странно тихо и пусто. Все мои мысли были с Сашей. Её смех, её голос, её лёгкое прикосновение всё это стояло перед глазами куда ярче, чем родной дом. И от этого становилось не по себе. Я ловил себя на том, что хочу обратно не сюда, не в эту кухню, где пахнет детством и теплом, а туда, где она. И от этой мысли становилось стыдно. Мама что-то спрашивала, отец внимательно смотрел, а я кивал, отвечал, улыбался и чувствовал, как между нами будто вырастает тонкая, невидимая стена. Я вернулся домой но сам словно остался где-то там. С ней. Она словно заколдовала меня. Сынок... ты меня слышишь? мама наклонилась ближе, заглядывая в глаза. Я вздрогнул: А?. Да, конечно, слышу. Я спрашиваю, надолго ты теперь? мягко повторила она. Я замялся. Ну пока не знаю. Отдохну немного, а там видно будет. Отец нахмурился, поставил кружку на стол: «Видно будет» это не ответ. Дом есть, работа найдётся. Хватит уже по дорогам мотаться. Я кивнул, но как-то неуверенно:

Да наверное. Мама переглянулась с отцом и снова посмотрела на меня: Ты какой-то не такой. Тебя будто здесь нет. Всё нормально? Я улыбнулся, стараясь выглядеть спокойным: Всё нормально, мам. Просто устал. Дорога, всё это. Не только в этом дело, тихо сказал отец. Я тебя знаю. Ты сейчас не здесь. Я опустил глаза в стол. Пальцы сами начали крутить ложку. Есть кто-то? осторожно спросила мама. Я поднял взгляд. На секунду хотелось отмахнуться, перевести

разговор, но слова сами вырвались: Есть ответил я желая ее успокоить. В кухне стало тише. Даже часы на стене будто зазвучали громче. Девушка? спросила мама уже совсем другим голосом мягким, но настороженным. Я кивнул: Да Саша. Отец хмыкнул: И где же ты её встретил? В Москве ответил я, и сам почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Она хорошая. Мама вздохнула, присела рядом:

Сынок ты только вернулся. Мы тебя два года ждали. А ты уже опять куда-то собираешься? Я сжал губы: Я не собираюсь просто ответил я не находя слов. Но договорить не смог. Потому что сам не знал собираюсь или уже решил. Отец посмотрел прямо, жёстко: Запомни одно. Дом у тебя один. Всё остальное потом. Я медленно кивнул, но внутри всё сопротивлялось этим словам. Перед глазами снова всплыла Саша её улыбка, её голос: «Когда приедете?» И я вдруг понял, что уже пообещал. Не ей даже себе. Я съезжу, тихо сказал я. Мама замерла: Куда? В Москву ответил я, не поднимая глаз. Ненадолго. Тишина стала тяжёлой. Отец откинулся на спинку стула: Быстро ты, сын домой вернулся. Я сжал кулаки под столом. Я вернулся, сказал я, просто не весь. Мама тихо заплакала. И в этот момент я окончательно понял какой выбор мне придётся сделать. Отец вдруг сменил тон, будто что-то для себя решил. Он положил руку маме на плечо и тихо сказал: Не надо, мать Пусть сын погуляет. Он же не просто в сапогах служил он воевал. Пусть остынет по девушкам по-

ходит. Ему освоиться надо. Он обнял её крепче, словно прикрывая от лишних мыслей. Мама ничего не ответила. Только посмотрела на меня долго, внимательно, будто пыталась разглядеть того прежнего сына. Но видела лишь мой жёсткий, потемневший взгляд. Я отвёл глаза. Вечером пришли одноклассники. Шумно, с порога, с привычными подколами как будто и не было этих двух лет. Ну что, герой вернулся! хлопнул меня по плечу Витька. Живой, значит? Как видишь, усмехнулся я. Давай, рассказывай, как там начал другой, но осёкся под моим взглядом. Ладно, потом. Мы сели за стол. Мама накрыла быстро всё, что было. На столе появился чайник. Чай? спросил кто-то с ухмылкой. Ага «чай», хмыкнул Витька и первым разлил по кружкам. Запах выдал всё сразу самогон. Пили из кружек. По-другому нельзя сухой закон. За возвращение, сказал кто-то. За то, что живой, добавил другой. Мы чокнулись тяжёлыми кружками. Самогон обжёг горло, но я почти не почувствовал. Ну и как там? Страшно было? всё-таки не выдержал Витька. Я посмотрел на него, потом в кружку: По-разному Я бы не смог, тихо сказал он. Никто не может, ответил я. Пока не окажется там. Повисла пауза. Кто-то попытался разрядить: Ладно, хватит. Давай лучше за девушек! Тут, говорят, без тебя скучно не было. Все засмеялись. А ты сам как? Уже кого-то нашёл? подмигнул Витька. Я чуть задержался с ответом:

Может быть... О-о-о, смотри-ка! оживились они. И где?

В Москве, коротко сказал я. Вот это да... протянул кто-то. Наш сразу по столицам пошёл. Они смеялись, шутили, толкались плечами. Всё было как раньше. И в то же время совсем не так. Я сидел с ними за одним столом, слушал знакомые голоса... А внутри снова была она. Саша. И даже здесь, среди своих, я чувствовал себя чужим.

Глава 8

Утром я сходил в военкомат и встал на учёт. Меня почти сразу провели к военкому. Полковник вышел из-за стола и подошёл ко мне, по-отечески обнял: Вернулся живой молодец. Орденоносец. Боец. Он чуть отстранился, внимательно посмотрел и добавил: А давай к нам. Нам такие боевые ребята нужны. Прослужишь до сорока пяти, потом пенсия красота. Я коротко ответил: Насмотрелся уже. Полковник не обиделся. Лишь кивнул и мягко усадил меня за стол: Садись, сынок. Я сел. Он наклонился чуть ближе, голос стал тише, почти доверительным: Только запомни: война для тебя закончилась. Тут нет врагов. Тут все мирные люди. Нельзя никого убивать. Всё ты дома. Он смотрел мне прямо в глаза. И вдруг отшатнулся будто увидел там что-то, чего видеть не хотел. Гнетущую боль. Не утихший гнев. То, что не уходит просто так. Успокойся уже тише сказал он. Войди в мирную жизнь. А то Афган тебя здесь догонит. В кабинете повисла тишина. Я смотрел в стол и понимал, что он говорит правильно. Но внутри ничего не откликалось на слово «закончилась». Она у меня не заканчивалась. Она просто сменила форму. И я

ещё не знал, что страшнее война там или то, что осталось во мне здесь. Я шёл по посёлку, рассматривая мирных жителей, занятых своей обычной суетой, и думал, как теперь жить. Пойти работать или учиться? Я помнил рассказы ребят как они не смогли после Афгана. Помнил беседы политрука: не все смогут устроиться в изменившихся реалиях, надо быть осторожнее и бдительнее. Но я ещё не до конца понимал, как жить дальше. Знал только одно здесь я жить не смогу. Мне нужен был большой город. Пространство. Толпа, в которой можно раствориться и исчезнуть, не объясняя никому, кто ты и откуда. Я остановился у магазина. Люди заходили и выходили, смеялись, спорили о чём-то мелком, бытовом. И всё это казалось мне одновременно чужим и слишком простым. Ну что, герой, вернулся? услышал я за спиной знакомый голос. Я обернулся. Сосед Петрович стоял, прищурившись, с пакетом в руках. Вернулся, коротко ответил я. И как оно там, на войне? спросил он уже тише, без прежней ухмылки. Я помолчал. Там всё понятно было, сказал я наконец. А здесь пока нет. Он кивнул, будто понял больше, чем я сказал. Ничего, привыкнешь. Тут тоже жизнь, пробормотал он и пошёл дальше. Я проводил его взглядом и вдруг ясно почувствовал: он ошибается. Я не привыкну. Я повернулся и пошёл дальше по улице, всё быстрее, словно боялся остановиться и передумать. В голове снова звучали слова политрука: «будь осторожнее будь бдительнее» Но теперь они звучали иначе. Здесь не было врага. И от этого станови-

лось только сложнее. Я дошёл до остановки. Пустая лавка, ветер, редкие машины. Большой город вот что мне нужно. Москва, Ленинград неважно. Лишь бы шум, движение, лица, которые не спрашивают, кто ты. Я вдруг понял, что уже принял решение. Не до конца осознанное, но окончательное. Я уеду. И там попробую заново научиться быть живым.

Глава 9

Вся моя одежда пришла в негодность я вытянулся, стал шире, и прежние вещи уже не подходили. Мы с мамой сходили в магазин и купили мне джинсы и футболку. Она всё время пыталась выбрать что-то «лучше», а я только кивал, не спорил. Я решил не обременять родителей. Пока хватит, сказал я. Мне этого достаточно. Мама хотела ещё что-то добавить, но промолчала. Только посмотрела внимательно, словно запоминая меня таким. Я переночевал ещё одну ночь дома. В этот вечер мы почти не говорили. Отец сидел у телевизора, мама что-то тихо убирала на кухне. Иногда она заходила в комнату, смотрела на меня и снова уходила, будто боялась нарушить тишину. А я лежал и слушал дом. Каждый его звук. И понимал, что запоминая всё запах, скрип половиц, голоса за стеной. Утром я собрался быстро. Чемодан был лёгкий почти пустой. Мама стояла в коридоре и молчала. Потом всё-таки не выдержала: Ты точно решил? Я кивнул: Да, мам. Она подошла ближе, поправила воротник на мне, хотя он и так был ровный. Береги себя тихо сказала она. И пиши. Буду, ответил я. Отец стоял у двери, молча

смотрел. Потом протянул руку: Держись, сын. Я крепко пожал его ладонь. Держусь ответил я. И вышел. На улице было утро обычное, спокойное, как будто ничего не меняется в мире. Автобус до станции ждал у дороги. Я обернулся один раз. Мама стояла в окне. И в этот момент я понял я уезжаю не только в Москву. Я уезжаю от одной жизни к другой. И назад дороги уже не будет. И вот квартира 66. Она открыла дверь и буквально втащила меня внутрь. Мы дома одни шептала она, почти смеясь, будто боялась, что нас кто-то услышит. Дверь за спиной тихо щёлкнула, и квартира сразу показалась другой тесной, тёплой, наполненной её присутствием. Я на секунду остановился у порога. После дороги, после всего, что осталось позади, этот момент показался нереальным. Проходи, она взяла меня за руку. Чего ты застыл? Я сделал шаг внутрь. Она не отпускала мою руку. Ты ведь приехал, сказала она уже тише, заглядывая в глаза. Значит, всё, как обещал. Я кивнул, хотя внутри всё было сложнее, чем любое «обещал». Приехал, повторил я. Она улыбнулась и вдруг прижалась ближе, почти незаметно, как будто проверяя, настоящий ли я. Она утащила меня в спальню. Мы скинули с себя одежду и наши тела сплелись. Она каталась по моему телу скользкому от пота и страстно целовала меня. Ее радостный стон огласил квартиру и я тоже кончил в нее заглушая свой стон в подушке. Я знала, что ты приедешь, прошептала она. Я чувствовала. Я молчал. В голове на секунду мелькнул дом, мама у окна, отец у двери и тут же

исчез, будто его туда и не пускали. А здесь её голос, её дыхание, её взгляд. И между двумя мирами снова появилась та самая тонкая, опасная грань, по которой я всё время теперь ходил. Пойдём на кухню, сказала она мягко. Я чай сделаю. И потянула меня дальше вглубь квартиры, где уже не было ни дороги, ни вокзалов, ни дома. Только она. И тишина, в которой всё начиналось заново. Слушай, Миша начала она, чуть наклонившись вперёд, будто делилась тайной, есть одна группа. Ты её точно слышал. «Мираж» называется. Она прищурилась, уже заранее улыбаясь, как будто знала, что дальше будет что-то нелепое. Так вот помедлила она, выбирая слова, они украли мои песни. И теперь разъезжают с ними по всему Союзу, концерты дают. Я махнул рукой, как будто видел это своими глазами сцены, афиши, толпы людей, которые даже не подозревают, что всё это когда-то принадлежало мне. Хоть бы торт привезли, мерзавцы никакой благодарности. Я сам не заметил, как усмехнулся, но в голосе всё ещё держалась обида, странная и упрямая, как заноза. Я пытался вспомнить и не мог. Память будто растворялась, как дым. Война, дороги, усталость всё это перебивало любые мелодии. Там было не до песен. Саша вдруг не выдержала. Она засмеялась резко, звонко, так, что плечи затряслись, а грудь подпрыгнула в этом живом, почти беззаботном смехе. Этот смех ударил по мне сильнее любых слов. Она, всё ещё смеясь, выскочила в комнату. Через минуту вернулась, уже с импортным кассетником в руках тяжёлым, блестящим, яв-

но «дефицитным». Пальцы у неё дрожали от спешки, когда она вставляла кассету и нажимала кнопку. Щёлк. И комнату заполнил знакомый ритм: «*Музыка нас связала*» Я замер. Мелодия пошла дальше, уверенная, простая и цепкая, будто всегда здесь была. Хорошая песня выдавил я наконец, словно пробуя её на вкус. Да, сказала Саша, уже тише, но с той же улыбкой, это моя песня. Представляешь? Она наклонила голову, глядя на меня почти лукаво. Вот стервецы никакой управы на них нет. А музыка продолжала играть, будто действительно связывала нас и смех, и странную ревность, и память, которая упорно отказывалась быть точной. Что мне нужно сделать? спросил я. Во мне уже поднималось что-то горячее и упрямое, это бес клокотал во мне одобряя ее желание.. Идея Саши цепляла не разумом скорее инстинктом. Она говорила уверенно, и в её голосе было что-то, от чего мысли становились короче. Саша наклонилась ближе, будто делилась не планом, а секретом. Надо поговорить с Андреем Литягиным. А где он? спросил я. Она посмотрела на меня так, будто удивилась, что я вообще не знаю. Калинина, двадцать семь. Квартира шестьдесят три. Он один живёт. Домой приходит около девяти. Она чуть улыбнулась. Я тебя подвезу. Я сделал глоток чая. Мысли внутри шумели неясные, упрямые, как будто кто-то спорил со мной изнутри. И я уже не до конца понимал, где моя воля, а где просто движение беса.

Глава 10

Поехали, сказал я. Подожди, оживилась Саша и скрылась в комнате. Я остался в кресле. Время тянулось странно. Я не знал, сколько у женщин уходит на то, чтобы «собратиться», но, похоже, сегодня это было частью какого-то отдельного ритуала власти над временем. Когда она вернулась, всё в ней уже было другим собранным, уверенным. Мы сели в её «копейку» и поехали. Дом оказался обычным, ничем не примечательным. Саша кивнула в сторону подъезда: Вот здесь. Я вышел, прошёлся вдоль входа, посмотрел на окна, на дверь, на серый бетон, который ничего не объяснял. Вернулся в машину. Ну что там? нетерпеливо спросила Саша. Я помолчал секунду. Я его не знаю, сказал я наконец. Ничего страшного, пропела она легко. Я тебе покажу. И время снова потекло странно между взглядами, улыбками и её уверенностью, которая будто подталкивала события вперёд быстрее, чем я успевал их обдумывать. Когда он появился, всё стало тише. Обычный человек, без сцены, без музыки, без легенд просто шаги, подъезд, ключи в руке. Я посмотрел на него и понял: дальше всё решится не силой и не вспышкой, а тем, что скажут друг другу люди, когда уже нельзя отступить. Я вошел следом за ним и перед его квартирой обогнал его. И услышав щелчок дверного замка вернулся втолкнув его в квартиру. Что такое произнес он но когда увидел мои глаза сник. Закрыв за собой дверь я втолкнул его на кухню и сел. Опыт проведения переговоров в афганистане помог мне. Потому что я не знал бытующих здесь формули-

ровок. У вас есть группа мираж начал я и я хочу иметь с этого доход и еще кое что. Он напрягся и затем выдохнул словно все решилось . Он радостно объявил меня крышует казанская группа все вопросы к ним я просто музыкант. Я понял он просто музыкант . Чью голову тебе принести спросил я . Он изменился в лице потому что его крыша в моих глазах разрушилась . Я не знаю сказал он приходили разные сказали что казанская группировка после этого нас ни кто не трогал. По его глазам я видел что он говорит правду. Имя коротко сказал я. Рустам Бараев часто приходит вымолвил он . Где его найти спросил я . Литягин побледнел потому что понимал что его втягивают в серьезные разборки. Ребята я ни при чем поднял руки он разбирайтесь сами . Я буду платить тем кто меня охраняет . Пальцы свои пожалей произнес я сухо. Он испуганно посмотрел на свои руки и произнес Фраза повисла в воздухе, как будто в комнате стало теснее. Сегодня он придёт в Дворец культуры Метростроя, сказал композитор. У нас ночная запись и он обещал прийти в 11 . Я медленно перевёл взгляд. Название ничего не объясняло само по себе, но звучало весомо как место, где решаются вещи, которые потом расходятся по стране голосами и магнитофонными лентами. Саша чуть оживилась, будто внутри неё всё уже сложилось в маршрут. А во мне снова поднялось то самое чувство не злость даже, а напряжённое ожидание, когда события начинают собираться в одну линию и уже не спрашивают разрешения. Я кивнул. Понят-

но. Слова были простыми, но внутри них уже не было простоты. Мы стояли в этом странном промежутке между тем, что сказано, и тем, что ещё только должно случиться. Я спустился в машину. Дворец культуры Метростроя, повторил я вслух. В двадцать три ноль-ноль. Я сказал это Саше, будто ставил точку в каком-то внутреннем расчёте. Она улыбнулась коротко, уверенно. В этой улыбке уже чувствовалось: процесс действительно сдвинулся с места. У тебя есть другая одежда? спросила она, оглядывая меня. Нет, ответил я сразу. Без объяснений. Без лишних слов. Саша молча развернула машину, и мы поехали по московским улицам, где окна домов мелькали, как кадры чужой жизни. Во дворе одного из домов она остановилась. Подъезд был обычный сырой, с запахом старых стен и лестничной пыли. Мы поднялись на третий этаж. Дверь открыл кудрявый, широкоплечий детина в пёстрой, нелепой одежде. Он окинул нас быстрым взглядом. Жорик, кивнула Саша, как старому знакомому. Вот, надо парня одеть. Он посмотрел на меня внимательно, без вопросов. Потом молча отступил в сторону, пропуская внутрь. Квартира оказалась забита коробками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.